

УДК 81'271

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ?

Норман Б. Ю.*Белорусский государственный университет**220030, г. Минск, пр. Независимости, д. 4, Республика Беларусь***Аннотация.**

Цель. Описать синтаксические модели (структурные схемы или формулы) русского языка, содержащие в себе эмоциональные смыслы.

Процедура и методы. Основное содержание статьи составляет анализ синтаксических моделей русского языка (зафиксированных в научной и дидактической литературе) с точки зрения возможности одновременной передачи рациональной и эмоциональной информации. Проведено сравнение моделей, образующих ядро синтаксического уровня языка, и фразеологизованных единиц, образующих его периферию.

Результаты. Проведённый анализ показал, что русскоязычные модели, относящиеся к периферии синтаксического поля, такие как *Что за прелесть!*, *Чем не подарок*, *Всем пирогам пирог*, *Вот тебе и приятели!*, *Из хитрецов хитрец*, *Ну и результат!*, *Праздник не в праздник*, *Я ли не любила* и т. п., систематически содержат в себе и передают эмоциональную коннотацию (сомнение, восхищение, удивление, неодобрение и т. п.).

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье перечислены условия (лексические константы, селекция грамматических классов, порядок слов, интонация), при которых синтаксическая модель систематически выражает эмоциональные смыслы. Эти фразеологизованные модели требуют обязательного (хотя и вторичного) включения в грамматики и учебники русского языка.

Ключевые слова: синтаксическая модель, высказывание, русский язык, эмоциональный смысл, фразеологизованная единица

EMOTIONAL MEANINGS OF SYNTACTIC MODELS?

B. Norman*Belarusian State University**4, Prospect Nezavisimosti, Minsk, 220030, Belarus***Abstract**

Aim. The article aims to describe syntactic models (structural schemes or formulas) of the Russian language containing emotional meanings.

Methodology. The paper's main content is the analysis of syntactic models of the Russian language (fixed in scientific and didactic literature) from the point of view of the possibility of simultaneous expression of rational and emotional information. The models making the core of the language's syntactic level and phraseologized units forming its periphery are compared.

Result. It is shown that Russian models relating to the periphery of the syntactic field, such as *Chto za prelest'!*, *Chem ne podarok*, *Vsem pirogam pirog*, *Vot tebe i priyateli!*, *Iz hitrecov hitrec*, *Nu i rezul'tat!*, *Prazdnik ne v prazdnik*, *Ya li ne lyubila*, etc., systematically contain and convey the emotional connotation (doubt, admiration, surprise, disapproval, etc.).

Research implications. The article lists the conditions (lexical constants, selection of grammatical classes, word order, intonation) under which the syntactic model systematically expresses emotional mean-

ings. These phraseologized models require obligatory (though second-rate) inclusion in grammars and textbooks of the Russian language.

Keywords: syntactic model, utterance, Russian language, emotional sense, phraseologized unit

Структурная схема – эмическая единица синтаксиса

Принцип изоморфизма – один из ведущих в современной лингвистике. Он означает, что все уровни языка, от фонологического до сверхфразового, подчиняются некоторым общим закономерностям. В частности, на каждом уровне можно выделять набор языковых моделей и их речевых репрезентаций (то, что иногда называют инвариантами и алловариантами, или эмическими и этическими единицами).

На синтаксическом уровне роль такой эмической единицы выполняет структурная схема (синтаксическая модель, формула предложения и т. д.). Независимо от того, какие условия ставит исследователь этой модели (её двувершинность или одновершинность, ограниченность двумя, тремя или большим количеством компонентов), важнейшее, конститутивное её свойство – способность обслуживать множество коммуникативных ситуаций, разные речевые акты. В этом – суть противопоставления предложения как языковой единицы высказыванию как единице речевой. В российском языкознании эта идея разрабатывалась и поддерживалась такими известными грамматистами, как Б. Н. Головин, П. А. Лекант, Ю. С. Маслов, И. П. Распопов и др.

Синтаксическая модель, т. е. тот образец, по которому говорящий строит своё высказывание и на который слушающий проецирует это высказывание, чтобы правильно его понять, многофункциональна и амбивалентна. Один и тот же образец может использоваться в ситуации утверждения / отрицания (*Мальчик учится в школе, Мальчик не учится в школе*), запроса информации (*Мальчик учится в школе?*), различных модальных модификаций (*Мальчик должен учиться в школе, Мальчик может учиться в шко-*

ле, Учился бы мальчик в школе...) и т. п. Именно в процессе регулярной реализации, воплощения синтаксической модели в высказывание предикатно-актантная структура «обрастает» многообразными эмоциональными коннотациями, выражаемыми интонацией, вводными и служебными словами, междометиями (*Неужели мальчик учится в школе?; Мальчик, к счастью, учится в школе; Мальчик, несмотря ни на что, учится в школе; Так мальчик ещё и учится в школе?!; Ах, если б мальчик учился в школе!; Мальчик ведь, черт побери, учится в школе!* и т. п.). Иными словами, одна и та же синтаксическая модель обслуживает разные речевые акты – и везде одинаково хорошо выполняет свою организационную функцию (это значит – она выстраивает в сознании носителя языка картинку – фрейм с его составляющими и воплощает его в предикатно-актантную структуру). А дело говорящего и слушающего – встроить эту модель в конкретную коммуникативную ситуацию и превратить её в единицу дискурса – высказывание.

Эти рассуждения могли бы показаться банальными, если бы в научной литературе не продолжалась дискуссия о том, может ли синтаксическая модель изначально содержать в себе какие-то эмоциональные смыслы.

Синтаксис – и выражение эмоций?

Как известно, к числу базовых эмоций психологи относят Боязнь (Страх), Печаль, Гнев, Омерзение, Стыд и Радость – обычно ссылаются на американского психолога К. Изарда [18]. Иногда к ним добавляют Любовь, Ненависть, Зависть [8, с. 228 и др.].

Можем ли мы сразу, по памяти, назвать какие-то синтаксические модели, которые воплощают в себе эти эмоции? Это сделать довольно трудно. Проще было бы считать, что синтаксис «безразличен» к эмоциям.

И даже те авторы, которые находят среди синтаксических конструкций место для выражения эмоций, вынуждены признавать, что эти конструкции – многозначны, не замыкаются на эмоциях. Так, известный финский русист А. Мустайоки признаёт, что выражение эмоциональных состояний пересекается в языке с физиологическими, а эмоциональных отношений – с отношениями как таковыми. Скажем, по той же модели, по которой образовано высказывание *Мне страшно*, образуются и высказывания *Мне больно* или *Мне известно*, а по той же модели, по которой образована фраза *У бабушки депрессия*, образуются также *У бабушки лысина* или *У бабушки мотоцикл...* [8, с. 229–231].

И все же вывод о том, что синтаксис безразличен к эмоциям, будет поспешным и неточным. Дело в том, что набор синтаксических моделей не сводится к перечню «образцовых» 2-компонентных моделей (как в академической Грамматике 1970 г. [3]) или моделей с большим числом компонентов, обеспечивающим «информационную достаточность», как в пражской «Русской грамматике» [17].

Конечно, для преподавания русского языка, для лингводидактических целей, наиболее удобны и показательны самые частотные и полифункциональные синтаксические модели. Недаром русские буквари начинаются с образцов типа *Мама мыла раму* или *У Шуры шары*. Точно так же, преподавая русский язык иностранцам, никто не будет начинать курс синтаксиса с конструкций типа *Нам не до танцев* или *Вот тебе и покатались!*

В реальности же, кроме типологического «костяка», набора стандартных моделей, активно используемых в речи и составляющих ядерную часть синтаксиса, существует огромное разнообразие конструкций, образующих периферию синтаксических языковых образцов. Это инфинитивные и номинативные модели, фразеологизованные схемы, готовые синтаксически нечленимые высказывания и т. п. Вот они-то априори пропитаны эмоциональными коннотациями. В частности, П. А. Лекант

совершенно справедливо указывал на то, что инфинитивным предложениям изначально присуще переплетение рационального и эмоционального моментов [7, с. 47]. В высказываниях типа

*Листьям последним шуршать,
Мыслям последним томиться...*

(А. Ахматова),

кроме денотативной составляющей (*листья – шуршат...*), присутствует важный, хотя и не вполне ясный, коннотативный элемент. Действительно, как мы толкуем данную фразу:

Листьям **придётся** шуршать? Листьям **предназначено** шуршать? Листьям **можно** шуршать? Листьям **следует** шуршать? Листьям **пора** шуршать? Листьям **ничего не остаётся делать, кроме как** шуршать? и т.п.

Сочетание оттенков возможности, предназначенности, неизбежности (предназначенности) образует тот синкретический эмоциональный фон, который предопределяет восприятие данной фразы. В целом же эмоциональный компонент включает в себя разнообразное субъективное отношение говорящего к описываемой ситуации: оно включает в себя общую оценку (положительную или отрицательную), объективную модальность (долженствование, гипотетичность и т. п.) и субъективную модальность – частную коннотацию (удовлетворение, скепсис, квиетизм и др.).

Фразеологизованные конструкции (фразеосхемы)

В середине XX в. русские языковеды обратили внимание на особые построения, находящиеся на границе синтаксиса и фразеологии. В частности, Н.Ю. Шведова посвятила специальную статью фразеологизованным конструкциям, широко употребляющимся в русской речи. «В отличие от свободных построений, соединения фразеологического характера не активно и каждый раз заново возникают в языке как реализация его живых синтаксических возможностей, а используются как готовый материал, «обновляемый» говорящим лишь

в части знаменательного слова» [13, с. 94]. В многочисленных и многообразных примерах типа *Что правда то правда, Ай да Моська! Чем не жених! Что за церемонии! Как бы не опоздать! Мало ли что болен, Всем молодцам молодец!* и т. п. автор отмечала присутствие оценочной семантики.

Д. Н. Шмелёв о том же материале писал: «Нетрудно заметить, что в этих предложениях нет фразеологизации какого-то отдельного слова, но здесь фразеологическое является самая схема предложения...» [15, с. 49]. Эти «связанные конструкции» (автор называл их фразеосхемами) «не связаны с определёнными словами как таковыми, но они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов» [15, с. 50]. Для нас же «фразеосхемы» интересны именно тем, что в них очень часто изначально заложена та или иная эмоциональная коннотация.

Развивая эти мысли в [16], учёный начинает перечень фразеосхем с риторических вопросов с вопросительными словами (например: *Что ему делается? Какие теперь дела! Что вы, какой холод? Куда тебе жениться! Куда тут чай распивать! Где уж ему читать...; Какое болен – поперёк себя толще!*) и характеризует их как «эмоциональные эквиваленты» отрицательных предложений. Типичная для подобных высказываний среда – это диалогическая речь. И понятно, что при всём их лексическом разнообразии в глубине каждой из них лежит определённый синтаксический образец, включающий в себя вопросительное местоимение или наречие.

Другой тип высказываний – *Есть о чём жалеть! Есть о ком думать!*, построенных по иной модели, – Д. Н. Шмелёв определяет как средство «экспрессивно-иронического отрицания» [16, с. 139]. А по поводу конструкций типа *грешить грешу, кормить не кормит, пожить поживу, читать не читал, а...* и т. п. учёный писал: «Связанные конструкции характеризуют

ся специальной, так сказать, синтаксически обусловленной «модальностью» [16, с. 141]. Характерно, что слово *модальность* взято автором в кавычки, речь идёт о выражении «надмодальных» – тема-рематических и эмоциональных – смыслов.

В последние годы фразеологизованные синтаксические модели, или фразеосхемы (иногда их называют ещё «конструкциями малого синтаксиса» или «синтаксическими фраземами»), продолжают привлекать внимание грамматистов. У современного финского исследователя М. Копотева список «синтаксических фразем» в русском языке достигает восьми десятков. Среди них – модели типа *Что за прелесть!, Чем не подарок, Всем пирогам пирог, Вот тебе и приятели!, Из хитрецов хитрецы, Ну и результат!, Праздник не в праздник, Я ли не любила, Уж кто-кто, а он..., Какой он работник?, Нет чтобы подождать, Тоже мне помог, Какое там успел!, Работа работой, а..., Ай да Таня!, Ох уж этот Петя и т. д.* [6, с. 124–126]. И перечень данных конструкций может быть ещё расширен.

У всех этих высказываний – та или иная степень экспрессивной коннотации, от обиходно-разговорной до конфликтно-инвективной. Но при всех различиях в их структуре прагматическая ценность данных фраз примерно одинакова: они действительно регулируют развитие диалога, сообщая собеседнику ту или иную оценку события или ситуации. За каждым из примеров стоит определённая языковая модель. Понятно, что представленные здесь синтаксические позиции могут заполняться разной лексикой, например:

Ну и результат/ Ну и пиво/ Ну и победитель/ Ну и мебель... или

Всем пирогам пирог/ Всем усам усы/ Всем каникулам каникулы и т. п.

Приведём два примера из художественных текстов:

Я знал: это тюрьма; но самое значение слова отсутствовало ещё в моём сознании. Тюрьма так тюрьма, Академия так Академия: называется так, и всё тут (Л. Успенский. Записки старого петербуржца).

–...Мне и праздник не в праздник, и юбилей не в юбилей, если на нём не спляшут камаринского Шуручка и Ваня Шторины! (В. Драгунский. Далёкая Шура).

Понятно, что первый ряд – *тюрьма так тюрьма, Академия так Академия* – может быть легко продолжен: *школа так школа, типография так типография* и т. п. Точно так же во втором случае по тому же образцу – *и праздник не в праздник, и юбилей не в юбилей* – могут быть образованы, скажем, *и конкурс не в конкурс, и фестиваль не в фестиваль* и т. д.

Как уже отмечалось, фразеологизованные модели в целом характеризуются неполной грамматической парадигмой (слабой возможностью варьирования в лице, времени, наклонении). Однако наличие некоей лексической константы, плюс заданность частеречной характеристики (выбор существительного, или глагола, или местоимения, входящих в состав конструкции), плюс неизменный порядок слов и – в устной речи – интонационное оформление обеспечивают каждой фразеосхеме идиоматичность, внутри которой находится место самым разным эмоциональным отношениям: сомнению, восхищению, неодобрению, сожалению и т. п.

Впрочем, как известно, выбор синтаксической модели в процессе речепорождения всегда так или иначе связан с выбором лексики, заполняющей её позиции. Уже упомянутая Н. Ю. Шведова очень точно охарактеризовала эту внутреннюю связь и взаимообусловленность:

«Грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку «лексической части»...

Любой синтаксический образец предложения не свободен от «оглядки на слово»: для лексически несвободных образцов словом первично предопределяется сама возможность их реализации; для так называемых лексически свободных образцов «вмешательство» слова обнаруживается на ступени семантического качества предложений...» [14, с. 11–12].

Это совершенно справедливо. Однако в нашем случае синтаксическая структура фразеосхемы выступает как основа, каркас, который заполняется вариативным лексическим материалом. А присущие фраземам эмоциональные оттенки могут выступать как притекстовые [12, с. 170], т. е. не планироваться говорящим рационально, а спонтанно вызываться его эмоциональным состоянием или специфическим дискурсом. Ненамеренность эта заложена в самой структуре фразеологизованных схем.

Разумеется, каждый язык обладает своим набором фразеологизованных синтаксических моделей. Скажем, в немецком языке такие модели (здесь они называются *Bildungsmuster* или *Satzidiome*) трактуются в связи с когнитивными или прагматическими аспектами немецкой культуры ([19, с. 57]; [20, с. 69–70] и др.). Именно они и образуют специфическую, национально-обусловленную сферу синтаксиса [9]. Уместно привести здесь слова чешского синтаксиста М. Грепля, сказанные полвека назад:

«Необходимо подчеркнуть, что типы предложений являются действительными единицами языковой системы, точнее, её синтаксического яруса. Следовательно, они не представляют собою искусственные «конструкты», т. е. результаты какой-либо лингвистической операции или эксперимента» [4, с. 60].

И далее, в той же статье, автор отмечал:

«Наиболее общий, наиболее отвлечённый тип, свойственный всем славянским языкам (и не только им), в сопоставительном плане менее интересен. Ведь на таком высоком уровне существует почти полная идентичность. Иначе говоря, рассуждения о предложениях вроде *Кошка лижет молоко*, представляющих самые общие типы, представленные во всех славянских языках без исключения, представляются бесплодными. Наоборот, чем больше мы спускаемся «вниз», к более частным типам, тем больше расхождений наблюдается между отдельными славянскими языками (в представленности типов и в их

формальном облике, в функциональном использовании, в стилистической значимости и т. д.); именно здесь лежит богатое поле действия для сопоставительного исследования» [4, с. 63].

Синтаксис как поле со своим центром и периферией

Эта идея поддерживается и развивается в работах российских грамматистов на рубеже веков. Так, у З. Д. Поповой синтаксис русского языка представлен в виде сложно организованного поля. И фразеосхемы образуют самую дальнюю периферию синтаксических структур [10, с. 31]. Приведём в качестве примера один фрагмент этого синтаксического поля: это схема концепта «бытие признака объекта», или, условно, концепта «КАКОЙ» (а в той же работе представлены структуры синтаксических концептов «ГДЕ», «КУДА», «ЧЕМ», «ЧТО» и т. д.).

Понятно, почему фразеосхемам отводится такое место. Во-первых, эти конструкции жанрово и стилистически ограничены. Во-вторых, в них синтаксическая

основа тесно сплетается с лексическими показателями. А, в-третьих, рациональная информация здесь очень часто совмещается с эмоциональной.

Модель поля использует и А. П. Сковородников для описания единиц экспрессивного синтаксиса. У него ядро образуется фигурами с максимально полным набором системообразующих признаков – таких как синтаксический параллелизм, перестановка, контраст, градация и т. д., а на периферии поля находятся стилистические фигуры с неполным набором признаков [11, с. 220–221].

В связи с этим возникает вопрос, который невозможно обойти, – о соотношении таких понятий, как эмоциональность, эмотивность и экспрессивность. Эти проблемы затрагивались в работах В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, В. И. Шаховского, Л. Г. Бабенко, Г. Н. Акимовой и др. Вряд ли можно согласиться с мнением последней из них, что «чисто эмоциональное выражение присутствует прежде всего в устной форме языка, как менее контролируемой

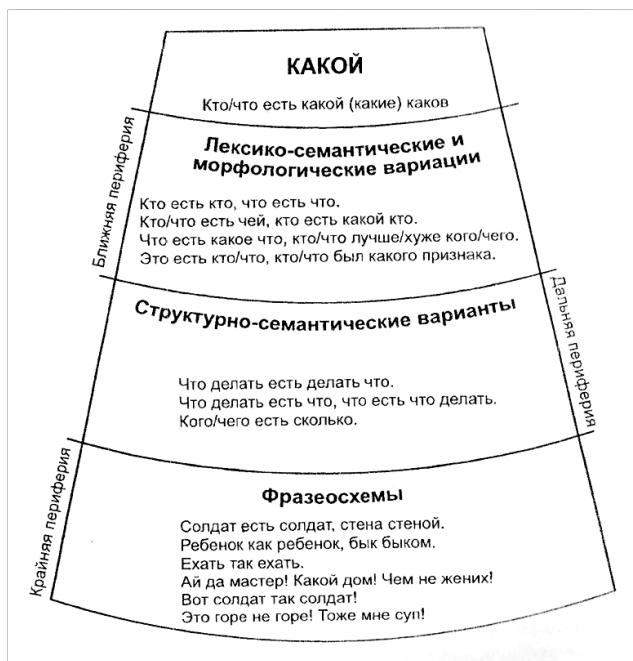


Рис. 1 / Fig.1. Структура синтаксического концепта «признак объекта», по З. Д. Поповой / The structure of the syntactic concept "object attribute", according to Z. Popova

Источник: [10].

говорящим», а «понятие экспрессии синтаксиса связывается преимущественно с письменной формой» [1, с. 84]. На наш взгляд, дело не в устной или письменной форме речи. Просто эмоция – это внутреннее состояние субъекта речи, а экспрессия – внешнее, эксплицитное её проявление. И если считать эмоциональность своего рода предпосылкой и внутренней составляющей экспрессивности, то в сфере наших интересов попадают и исследования, посвящённые риторическим приёмам, – работы Э. М. Береговской [2], Г. А. Копниной [5] и др.

Заключение

В данном случае наша задача была скромнее: показать, что синтаксису в принципе не чужды эмоциональные смыслы и что существует на синтаксическом уровне языка сфера пересечения рационального и эмоционального. Однако эмоции здесь всё же функционально вторичны и охватывают ту часть синтаксических моделей,

которые можно считать маргинальными, периферийными. Можно предположить даже, что между рациональным и эмоциональными компонентами смысла синтаксических конструкций существует обратная зависимость: чем синтаксическая структура очевиднее, членнее, тем эмоциональный компонент у нее слабее (или вовсе отсутствует). И наоборот: чем синтаксическая модель «фразеологизованнее», идиоматичнее, тем охотнее она принимает на себя выражение эмоциональных смыслов. Эта идея хорошо знакома нам по обычным фразеологизмам: устойчивые выражения воспринимаются как единое целое, как готовые номинации, предназначенные для стандартных коммуникативных ситуаций, и синтаксическая их организация отходит на второй план. Фразеологизация вообще выступает как противник или соперник любой структурной связи.

Статья поступила в редакцию 11.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
2. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 208 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
4. Грешль М. К сущности типов предложений в славянских языках // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 60–68.
5. Копнина Г. А. Риторические приёмы современного русского литературного языка. Опыт системного описания. М.: Флинта: Наука, 2009. 576 с.
6. Копотев М. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. 126 с.
7. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44–48.
8. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
9. Норман Б. О прагматических аспектах конструкций «малого синтаксиса» // Съпоставително езикознание – Contrastive Linguistics (София). ХLI. 2016. № 2. С. 49–68.
10. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: Истоки, 2009. 209 с.
11. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 254 с.
12. Федосюк М. Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2012. 245 с.
13. Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.
14. Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1984. С. 7–15.
15. Шмелёв Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

16. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 152 с.
17. Barnetová V. et al. Русская грамматика. Т. 1–2. Praha: Academia, 1979. 1093 с.
18. Izard C. Basic Emotions, Relations among Emotions, and Emotion-cognition Relations // *Psychological Review* 1992. 99. pp. 561–565.
19. Lüger H.-H. Satzvertige Phraseologizmen. Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien: Edition Praesens, 1999. 313 p.
20. Roos E. Idiom und Idiomatik. Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen: Shaker Verlag, 2001. 357 p.

REFERENCES

1. Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 168 p.
2. Beregovskaya E. M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax]. Moscow, Rokhos, 2004. 208 p.
3. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1970. 767 p.
4. Grepl M. [K suschnosti tipov predlozheniy v slavyanskikh yazykakh]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Linguistic issues], 1967, no. 5, pp. 60–68.
5. Kopnina G. A. *Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Opyt sistemnogo opisanija* [Rhetorical methods of modern Russian literary language. Experience of system description]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 576 p.
6. Kopotev M. *Printsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii* [Principles of syntactic idiomatization]. Helsinki, Helsinki University Press, 2008. 126 p.
7. Lekant P. A. Categories: rational and emotional in Russian language and in Russian speech] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2012, no. 5, pp. 44–48.
8. Mustajoki A. *Teoriya funkcionalnogo sintaksisa. Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam*. [The Theory of functional syntax. From semantic structures to language units]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 512 p.
9. Norman B. [On pragmatic aspects of constructions of “small syntax”]. In: *Contrastive Linguistics (Sofia)*, XLI. [Contrastive Linguistics, XLI.] 2016, no. 2, pp. 49–68.
10. Popova Z. D. *Sintaksicheskaya sistema russkogo yazyka v svete teorii sintaksicheskikh kontseptov* [Syntactic system of the Russian language in the light of the theory of syntactic concepts]. Voronezh, Istoki Publ., 2009. 209 p.
11. Skovorodnikov A. P. *Ekspressivnyie sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Opyt sistemnogo issledovaniya* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language. Experience of system research]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 254 p.
12. Fedosyuk M. Yu. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of modern Russian language]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 245 p.
13. Shvedova N. Yu. [On some types phraseological constructions in the structure of colloquial Russian speech] In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Linguistic issues], 1958, no. 2, pp. 93–100.
14. Shvedova N. Yu. *Ob aktivnykh potentsiyah, zaklyuchennykh v slove* [About active potency contained in the word]. In: *Slovo v grammatike i slovare* [Word in Grammar and Dictionary]. Moscow, Nauka, 1984. pp. 7–15.
15. Shmelev D. N. [On “bonded” syntactic constructions in the Russian language] In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Linguistic issues], 1960, no. 5, pp. 47–60.
16. Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic divisibility of the utterance in the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 152 p.
17. Barnetová V. et al. [Russian grammar. Vol. 1–2]. Praha, Academia, 1979. 1093 p.
18. Izard C. [Basic Emotions, Relations among Emotions, and Emotion-cognition Relations] In: *Psychological Review*, 1992, № 99, P. 561–565.
19. Lüger H.-H. Satzvertige Phraseologizmen. Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien, Edition Praesens, 1999. 313 p.
20. Roos E. Idiom und Idiomatik. Ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen, Shaker Verlag, 2001. 357 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета;
e-mail: boris.norman@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof. Honored Education Worker, Republic of Belarus. Prof., Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University;
e-mail: boris.norman@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Норман Б. Ю. Эмоциональные смыслы синтаксических моделей? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 74–82.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82

FOR CITATION

Norman B. Yu. Emotional Meanings of Syntactic Models? In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2020. no 5, pp. 74–82.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82